

После вечеринки в KTV атмосфера в женском общежитии в комнате 306 заметно изменилась.

Настроение, в котором смешались возбуждение, напряжение и сладкое предвкушение, исходило от Линь Чжи и распространялось вокруг.

Это выражалось в следующем: Линь Чжи возвращалась в общежитие особенно легкой походкой и то и дело напевала себе под нос какую-то беззвучную мелодию.

Иногда она останавливалась перед зеркалом, тренируя улыбку и интонацию, и спрашивала Чжао Сяотан: «Как думаешь, так выглядит достаточно естественно и мило?».

Наконец, в один из свободных от пар послеобеденных часов Линь Чжи откашлялась и встала посреди комнаты, с выражением торжественной важности и застенчивости на лице, словно собираясь объявить о судьбоносном решении.

— Подруги, я решила! — Она прижала сожженные кулаки к груди, а ее глаза невероятно ярко сияли. — Я официально буду добиваться Шэнь Яньчжоу!

— Хлоп. — Чжао Сяотан нажала на паузу в видео, а полотенце для пота так и осталось висеть у нее на шее.

Цзян Ваньвань молча сдвинула учебник чуть ниже, обнажив пару глаз, предвкушавших хорошее представление. Су Юань тоже отложила кисть, и все взгляды устремились на Линь Чжи.

— Правда что ли? Ты всё обдумала? — Чжао Сяотан на мгновение замерла, а затем первой подскочила с места, переполненная восторгом. — Да это же признанный во всей школе самый твердый орешек... тьфу, самая неприступная и холодная вершина! Вот это решимость! Сестра тебя поддерживает!

— Но, Чжи, я должна немного остудить твой пыл, чтобы ты пришла в себя, — после всплеска энтузиазма Чжао Сяотан снова приняла сокрушенный вид бывшего человека и со скрещенными ногами уселась обратно на стул. — Что из себя представляет Шэнь Яньчжоу? Первый парней на деревне, то есть в школе, отличник, из богатейшей семьи, да у него за спиной чуть ли не восемьдесят процентов девочек со всей школы тохнут — и в открытую, и тайком.

— В прошлый раз, когда мы об этом болтали, я тут же провела расследование. Эта школьная красавица Вэнь Цин с художественного факультета долго и громко добивалась его, говорят, сохла по нему еще со школы, а потом дождалась — он согласился попробовать повстречаться. И что в итоге? Меньше чем через неделю бросил! Об этом тогда весь форум гудел. Если уж у школьной красавицы такое положение, то можешь представить, насколько этот тип сложный фрукт.

Су Юань тоже мягко кивнула и мягким голосом добавила:

— Сяотан говорит правду. Шэнь Яньчжоу действительно выдающийся молодой человек, но именно поэтому его требования к себе и к окружающим могут быть очень высоки. Или, скорее, он просто еще не думает о подобных вещах. Он со всеми держится отстраненно, к нему трудно подступиться. Чжии, тебе нужно морально подготовиться.

Линь Чжии энергично закивала, ее щеки покраснелись, но она вовсе не испугалась:

— Я всё обдумала! Хватит с меня роли простого наблюдателя, я пойду в наступление! Иначе все четыре года университета промелькнут в один миг, а я не хочу оставлять сожалений.

Она посмотрела на Цзян Ваньвань, ища поддержки в лагере мягкости:

— Ваньвань, а ты что думаешь?

Цзян Ваньвань посмотрела на боевой настрой Линь Чжии, вспомнила описанное в первоисточнике правило о том, что школьная красавица Вэнь Цин «продержалась неделю и была брошена», и мысленно вздохнула. Если уж школьная красавица продержалась всего неделю, то Линь Чжии... эх, но вслух этого произносить было нельзя.

Она немного подумала и, руководствуясь тремя принципами не вмешиваться в сюжет, не портить себе удовольствие от наблюдения и не навлекать на себя беду, выдала совет в чисто стиле Цзян Ваньвань:

— Эм... Мой совет таков: добивайся своего, но соблюдай тактику и меру, главное — не слишком портить наши привычные посиделки в общежитии и общие сборы. В конце концов, кораблик дружбы не должен переворачиваться от любого дуновения ветерка, верно?

Ей совсем не улыбалось, чтобы каждая будущая встреча в восьмером превращалась в неловкое зрелище: Линь Чжии посылает односторонние волны сердечной любви Шэнь Яньчжоу, остальные пятеро участников поджимают от стыда пальцы на ногах, а главный герой Лу Шихань исходит бешеными искрами ревности.

Линь Чжии на мгновение растерялась, видимо, не ожидая от нее таких слов, но тут же снова улынулась, автоматически истолковав слова соседки по комнате как поддержку в вопросах сохранения дружбы:

— Угу! Не переживай! Я не променяю подруг на парня! Тогда... Ваньвань, ты ведь тоже веришь, что я смогу его завоевать, да?

Она с надеждой уставилась на Цзян Ваньвань, жажда заполучить капельку одобрения.

Цзян Ваньвань: «...»

И что тут сказать? Заявить: «Давай, я буду болеть за то, как ты погоняешься за ним глав эдак с десяток, потерпишь фиаско и в конце концов бросишься в объятия друга детства»?

Столкнувшись с полными надежды большими глазами Линь Чжии, она смогла выдавить из себя лишь улыбку, в которой ободрение смешивалось с долей замешательства, а искренность — с угрызениями совести, и сухо произнести:

— ...Дерзай.

Линь Чжии же, будто получив колоссальное одобрение, вмиг преисполнилась бодрости:

— Отлично! Я буду стараться! План первый: завтра же пойду отнесу ему что-нибудь попить! Погода такая жаркая, он наверняка захочет пить после тренировки!

Цзян Ваньвань и Су Юань переглянулись, и Су Юань слегка покачала головой.

А Чжао Сяотан уже всю раздавала указания:

— Бери спортивный напиток! Это покажет твою заботу! Или прямо ледяной воды!

В конце концов Линь Чжии решила купить чего-нибудь сладкого для хорошего настроения, остановив выбор на молочном чае, да еще и с кучей добавок.

На следующий день во второй половине дня, услышав, что Шэнь Яньчжоу и Лу Шихань играют в баскетбол в спортзале, Линь Чжии тщательно прихорошилась, прихватила стакан фирменного молочного чая с пометкой «семь порций сахара, без льда, с добавлением шариков-бобо и молочной пенки» и потащила за собой Цзян Ваньвань и Чжао Сяотан на трибуны — оказывать поддержку. Су Юань осталась репетировать на музыкальном инструменте и не пошла.

В спортзале стоял шум и гам, гулко раздавались удары мяча о пол.

Шэнь Яньчжоу легко было отыскать: даже среди толпы рослых парней, обливающихся потом, он оставался самым заметным.

Простая белая спортивная футболка и черные спортивные штаны, волосы слегка взмокли и прилипли к челу, отчего в нем было меньше привычной отчужденности и больше живой, спортивной энергии, но взгляд оставался все таким же сосредоточенным и острым. Передачи, бег, броски — все движения выглядели плавными и красивыми.

У кромки поля уже толпились наблюдающие за игрой девчонки, перешептываясь между собой.

Линь Чжии глубоко вздохнула и, когда Шэнь Яньчжоу с товарищами по команде ушли на перерыв к скамейкам за водой, набралась храбрости и подошла к нему.

— Шэнь Яньчжоу! — голос ее слегка дрожал, но она изо всех сил старалась сделать улыбку как можно слаще. — Вы так устали на тренировке, это... угощайся.

Она протянула обеими руками массивный на вид стакан с молочным чаем.

Лу Шихань стоял неподалеку, жадно припав к собственной бутылке с водой, а когда скосил глаза в их сторону, на его лице не отразилось никаких эмоций, хотя рука, сжимавшая бутылку, кажется, чуть сильнее напряглась.

Шэнь Яньчжоу остановился, и капли пот с высокого лба покатались по его красивым бровям.

Он бросил взгляд на стакан с молочным чаем, затем перевел его на раскрасневшуюся, полную ожидания Линь Чжии, и выражение его лица ни капли не изменилось.

— Спасибо, — произнес он. Голос от физической нагрузки слегка охрип, но тон звучал привычно равнодушно. — Не нужно.

С этими словами он взял свою обычную бутылку с минеральной водой, стоявшую на скамейке, отвинтил крышку и сделал глоток.

Затем поднял полотенце, чтобы вытереть пот, и его взгляд уже устремился обратно на площадку, словно только что разыгравшейся сценки вовсе и не было.

Улыбка на лице Линь Чжии застыла, а рука со стаканом неловко зависла в воздухе.

Вокруг то тут, то там заскользили любопытные взгляды, сопровождаемые тихими смешками.

Ее уши мгновенно вспыхнули, а глаза покраснели.

— Кхе, — Лу Шихань подошел ближе, бесцеремонно выхватил тот стакан молочного чая и бросил с напускной грубостью: — Он не пьет всякую приторную гадость. Давай сюда, как раз пить захотелось.

Даже не взглянув на Линь Чжии, он тут же воткнул трубочку и сделал огромный глоток, от которого его брови тут же сошлись на переносице:

— ...Чего так сладко-то?

Сахара пожалели, что ли? Приторно до тошноты. Он сделал еще один глоток, скривившись еще сильнее, и продолжил язвить: — Линь Чжии, если соберешься в следующий раз что-то дарить, удосужься узнать чужие вкусовые предпочтения. Что это вообще за хрень, кроме смертельной приторности? А, ну еще эти липкие бобо, жуешь как пластиковые шарики.

Линь Чжии, и без того готовая провалиться сквозь землю от неловкости, теперь из-за обиды от отказа Шэнь Яньчжоу и косых взглядов вокруг вспылала чистой яростью к Лу Шиханю.

Ее глаза покраснели еще сильнее, она уставилась на Лу Шиханя:

— Раз приторно, так не пей! Никто тебя не заставляет! Верни! — с этими словами она попыталась выхватить стакан.

Лу Шихань поднял руку, легко увернувшись, и демонстративно сделал еще один громкий булькающий глоток, вызывая приподняв брови:

— Раз уж подарили, кто же обратно забирает? Расточительство — это позор, не знала разве? Гадость редкая, но так и быть, я, молодой господин, беру на себя труд прикончить это дело.

— Ах ты! Лу Шихань, сволочь! — Линь Чжии затопала ногами от злости.

— Польщен, по крайней мере лучше, чем некоторые лезут из кожи вон, навязываются, а потом получают от ворот поворот, — тут же парировал Лу Шихань острым языком, однако глаз на раскрасневшееся лицо Линь Чжии не поднимал, зато украдкой скользнул взглядом по ее чуть подрагивающим пальцам.

Цзян Ваньвань наблюдала за всем этим в нескольких шагах от них с огромным интересом. Тьфу ты, знакомый рецептик, знакомый привкус взаимных подколов.

Разве это было спасением ситуации со стороны Лу Шиханя? Скорее уж он сыпал острой приправой на рану Линь Чжии, да еще и старательно растирал ее посильнее.

Но если взглянуть на него глазами стороннего наблюдателя, с чего бы этому молодому господину Лу, при всей его язвительности, столь задиристым способом насильно переключать всеобщее внимание с неловкого момента «Линь Чжии получила прямой отказ от Шэнь Яньчжоу» на привычную перебранку «они опять грызутся»?

Заодно и избавил ее от этой горячей картошки в виде стакана молочного чая. Ну просто классическая забота в стиле ученика начальной школы: язык острый как бритва, сердце мягкое, методика топорная, но цель достигнута.

Лу Шихань — цундэр с ядовитым языком, друг детства, чей способ проявлять заботу уникален и чреват получением тумачков.

Линь Чжии, судя по всему, этой глубокой мысли не уловила, а точнее, уловила, но находилась в таком бешенстве, что принимать чью-то заботу не собиралась.

Полно смущения и досады, она бросила на Лу Шиханя яростный взгляд, топнула ногой и вихрем выбегла из спортзала.

Чжао Сяотан крикнула «эй!» и тут же бросилась следом.

Цзян Ваньвань стояла чуть поодаль и воочию наблюдала за развязкой драмы.

«Ох, классическая сцена из классического романа», — в душе у нее было совершенно спокойно, даже возникло мимолетное желание достать телефон и снять все на видео, впрочем, исключительно в мыслях.

И реплики буква в букву те же: спасибо, не нужно.

Кратко, вежливо и убийственно. Спасение ситуации от Лу Шиханя тоже вышло стандартным, разве что с мимикой у него вышло не очень — судя по лицу, молочный чай пришелся ему явно не по вкусу.

Зато последующая пикировка — прекрасный катализатор для развития чувств.

Она кинула взгляд на Шэнь Яньчжоу, который уже вовсю разминался на площадке, казалось, совершенно не задетый недавним инцидентом; в ярком свете ламп спортзала его профиль выглядел таким же холодным и безупречным, словно никакие пылкие чувства не были способны его растопить.

Затем она снова посмотрела на Лу Шиханя, стоявшего на прежнем месте: он проводил взглядом убегающую Линь Чжии, скривил губы, опустил глаза на стакан с молочным чаем в руке, сморщил нос так, что муха бы не пролетела, и все же сделал еще один глоток.

«Прекрасно, сюжет движется своим чередом. Страдания героини плюс жесткая забота с напыщенным видом у героя — просто загляденье, я в восторге», — Цзян Ваньвань неспешно развернулась и тоже направилась к выходу из спортзала.